

*Все персонажи
и события романа вымышлены,
любые совпадения случайны.*

Кто ищет бесконечность, пусть
закроет глаза.

Милан Кундера

ГЛАВА 1

ВИЗИТ СТАРОГО ДРУГА

Каждую пятницу, за три часа до обеда, с Даниловского рынка домой возвращались повар Халид и горничная Василина. Водитель еще переносил из машины сумки, а обе горничные, повар и домоправительница Эмма Леонидовна уже перебирали продукты.

Большую кухню Самаровых заполняли запахи свежих огурцов, речной рыбы, зелени и копченых колбас. Но до того, как попасть в кладовую или распределиться по двум большим холодильникам, каждая банка, упаковка, связка или бутылка подвергалась неукоснительному учету. Эмма Леонидовна садилась за стол и по старинке, в амбарную книгу, записывала наименование продукта, его точный вес и цену.

Домоправительница была дородной семидесятилетней женщиной с волнистыми волосами, скрученными в архаическую прическу, которую, в свою очередь, скреплял резной полукруглый гребень. Будучи единокровной тетушкой хозяина дома, она считала своим долгом беречь его деньги и никому не позволяла выходить из бюджета.

— Постой, Василина... — Эмма Леонидовна оторвалась от своих записей и подняла глаза на тридцатилетнюю женщину в форменном платье. — Девятьсот рублей за килограмм помидоров, не слишком ли это дорого?

Та вспыхнула и, заглянув в свои записи, уточнила:

— Вы же сами сказали не покупать барахла...

— Впредь дороже шестисот рублей не брать, — велела домоправительница. — Что там еще?

— Вырезка говяжья.

— Какой у нее вес?

Василина переложила алые куски мяса в чашу весов.

— Четыре килограмма сто сорок грамм.

— Цена?

— Тысяча девятьсот за кило.

— Да ты издеваешься надо мной!

— Прошу прощения, уважаемая... — мягко ступая, к столу подошел повар Халид, невысокий щуплый араб с темным лицом. — Я сам просил Василину купить это мясо. К ужину будет ростбиф.

— Дешевле не вышло? — осведомилась Эмма Леонидовна и вписала цену. Не желая ссориться с поваром, она все же сделала замечание: — Ростбиф не засуши, Михаил Иванович любит с кровью.

— Сделаю, как любит хозяин, — ответил повар и вернулся к разделочной доске, на которой лежала большая серебряная рыбина для обеда.

В кухню вошел водитель и поставил на стул корзину с фруктами.

— Эта — последняя.

— Не забудь, что сегодня вечером возвращается Михаил Иванович, — напомнила Эмма Леонидовна.

— Шереметьево, восемнадцать пятьдесят, — подтвердил водитель.

— Встретишь — и сразу домой. Если забудет, напомни, что дома его дожидается друг.

— Так нет же никого, — неуверенно заметила Леся, вторая горничная, одетая в такое же форменное платье, как у Василины.

— Нет, значит, будет... — Эмма Леонидовна взялась за ручку, но, услышав дверной звонок, отложила ее в сторону. Придержав Василину, распорядилась: — Сама открою. А ты пока фрукты разбери. Вернусь, все запишем.

Она вышла из кухни, спустилась на несколько ступеней и направилась к входной двери. Там взяла трубку домофона и, взглянув на вспыхнувший экран, спросила:

— Кто вы?

Мужчина за дверью склонился к прорези микрофона и внятно произнес:

— Моя фамилия Кречетов. Я — к Самарову.

Эмма Леонидовна повесила трубку и, отомкнув замок, сдвинула хромированную щеколду. Открыла дверь, окинула взглядом рослого мужчину в мокром плаще:

— Михаил предупредил о вашем приезде.

Кречетов переступил порог и представился:

— Максим Данилович.

— Я — Эмма Леонидовна, тетушка вашего друга.

— Где же он сам? — Кречетов заглянул в глубь прихожей и пошарил по ней взглядом, потом стянул с себя плащ; — Куда бы его пристроить? С парковками в Москве просто беда, пока шел от машины до подъезда, хлынул ливень, и я вымок до нитки.

— Давайте его сюда, — Эмма Леонидовна забрала плащ и заметила: — Михаил в отъезде, вернется домой к ужину.

Хмыкнув, Кречетов потянулся к плащу:

— Что ж он так... Мы ведь договорились.

Эмма Леонидовна отстранилась и решительно повторила:

— Михаил скоро будет.

Кречетов посмотрел на часы.

— Сейчас полдень, до ужина — шесть или семь часов. У меня нет времени ждать.

— Хотите вы этого или нет, но я вас не отпущу. — Эмма Леонидовна обошла гостя, захлопнула дверь и щелкнула замком.

— Да, ну вы же... — Кречетов улыбнулся. — Вы, верно, шутите.

— Совсем не шучу. Где ваш багаж?

— В машине.

— Дайте ключи, — она протянула руку и раскрыла ладонь. — Водитель перенесет багаж в вашу комнату.

— Не нужно со мной так, — сказал Кречетов. — Я могу рассердиться.

— Сердитесь сколько угодно. Михаил строго-настрого приказал никуда вас не отпускать.

— Мало ли что он приказал. Через час у меня заселение в гостиничный номер. Отдайте плащ!

— Зачем же в гостиницу? Для вас приготовлена комната.

Кречетов шагнул к двери и дернул за ручку, потом усмехнулся и помотал головой:

— Почтенная Эмма Леонидовна, не стану препираться из уважения к вашему возрасту, просто позвоню Михаилу, и он все уладит.

— У вас ничего не выйдет. Михаил сейчас летит в самолете в Уфу. В самом деле, Максим, оставайтесь. Он так вас ждал.

— Не привык никого стеснять, — отрезал Кречетов, но Эмма Леонидовна рассмеялась.

— Об этом не беспокойтесь. В квартире двадцать четыре комнаты на трех этажах. У нас постоянно гостят провинциальные родственники, друзья, знакомые друзей или их дети, приехавшие на учебу в Москву.

— А тут еще я.

— Послушайте, — Эмма Леонидовна тронула его за руку: — Михаил не простит мне, если я вас отпущу. Отдохните, дождитесь его приезда. У нас сегодня на обед стерляжья уха. — Она по-старушечьи, просительно, заглянула ему в лицо: — Пожалуйста, соглашайтесь!

— Вы не оставляете мне выбора. — Кречетов протянул ей ключи: — Машина стоит на Новом Арбате, напротив цветочного магазина.

— Боже мой! Там такие дорогие парковки! — Эмма Леонидовна забрала ключи: — Скажу водителю, чтобы перегнал машину во двор, если не возражаете.

— Не возражаю, — сказал Кречетов и поинтересовался: — Где моя комната?

— Идите за мной.

По витой узорчатой лестнице в стиле модерн они поднялись на третий этаж, прошли через небольшую, в зеленых тонах, гостиную и остановились возле дубовой двери.

— Вот ваша комната, располагайтесь, — сказала Эмма Леонидовна. — Минут через сорок спускайтесь вниз, я покормлю вас обедом.

Кречетов собрался забрать у нее свой плащ, но она упредила:

— Повешу его в сушильную камеру.

— До вечера мне нужно отлучиться, съездить в одно место.

— Через час ваш плащ будет сухим, — заверила Эмма Леонидовна и, распахнув дверь, дождалась, когда гость войдет в комнату, после чего направилась к лестнице.

Закрыв за собой дверь, Кречетов подошел к окну, достал телефон и набрал номер сына. Переждал уведомление, что телефон отключен, и заговорил на автоответчик:

— Сергей, я в Москве. Не могу до тебя дозвониться. Волнуюсь. Перезвони.

Закончив говорить, он обернулся, обвел равнодуш-

ным взглядом комнату и сел на кровать. Стиснув ладонями голову, проронил:

— Все будет хорошо.

ГЛАВА 2

ТАМ КТО-ТО ЕСТЬ

При ближайшем рассмотрении квартира Самаровых производила сильное впечатление. Здесь все было дорого и красиво.

Спустившись по лестнице, покрытой голубым ковром с бледными розами, Кречетов из любопытства свернул на второй этаж и попал в большую гостиную, обставленную старинной мебелью.

Посреди залы на сияющем паркете лежал бежевый ковер в коричневых вензелях. На ковре, в окружении дюжины изгибистых стульев, стоял круглый стол. Наружная стена с окнами была задрапирована тюлем и обрамлена золотистыми портьерами. В дальнем углу гостиной сиял глянцем рояль, вокруг низкого стола просторным триклинием¹ расположились диваны. Множество старинных предметов загромождало роскошную гостиную, но ее венцом была дворцовая люстра, для которой с избытком хватало высоты потолка.

Удовлетворив любопытство, Кречетов сошел вниз и по запаху еды безошибочно отыскал кухню, но сна-

¹ Древнеримские скамьи для возлежания, расположенные в виде буквы П.

чала прошел через просторную комнату с круглым столом и застекленными шкафами со столовым серебром и посудой.

В предобеденный час в кухне вовсю кипела работа. Повар Халид стоял у плиты и мешал кипящее варево в начищенной медной кастрюле. Василина шинковала петрушку, укроп и зеленый лук.

Эмма Леонидовна зачерпнула фарфоровой миской зелень и поставила на обеденный стол перед Кречетовым:

— Покормлю вас на кухне. Мы обедаем позже, а вы с дороги проголодались.

— Так будет лучше, — заметил он.

Халид принес глубокую тарелку с ухой и плоское блюдо с куском стерляди.

— Вот соль, перец, хлеб... Зеленью присыпайте, — сказала Эмма Леонидовна и присела напротив. Как только Кречетов проглотил первую ложку, спросила: — Вкусно?

Он ответил:

— Вполне. Спасибо.

— А по мне, так нужно добавить соли. — Домоправительница обернулась к повару: — Слышишь, Халид?

— Недосол на столе, пересол на спине, — заметил тот.

Домоправительница махнула рукой и переключилась на Кречетова:

— Когда Халид приехал в Москву, говорил только на своей тарабарщине. Ни поручить ничего, ни отругать его не могла. Михаил нанял учителя русского языка,

и теперь смотрите, как языком молотит. Выучили на свою голову...

— Ученье — свет, а неученье — тьма, — вставил Халид, разделявая на доске кусок мясной вырезки.

— Разговорился ты что-то, голубчик.

— Уважаемая, вы не распорядились, на сколько персон готовить ужин.

Беззвучно шевеля губами, Эмма Леонидовна стала загибать пальцы на одной, затем на другой руке. Потом, наконец, сказала:

— За столом будет девять человек.

— Много гостей? — спросил Кречетов.

— Четверо, если посчитать вместе с вами. Остальные — члены семьи, — ответила Эмма Леонидовна и уточнила: — Сам Михаил, его дочь от первого брака, племянник, я и жена Михаила Юлия... А вот и она, легка на помине.

На кухню впорхнула девушка лет двадцати пяти. В легком платьице она походила на цветущее весеннее деревце. Схватив со стола яблоко, Юлия вгрызлась в него и проговорила с набитым ртом:

— Я ухожу!

— Куда?! — всполошилась Эмма Леонидовна. — Муж вернется, а тебя дома нет.

— До вечера вернусь. С подружками в кафе посидим — и сразу домой. — Заметив Кречетова, Юлия спросила: — У нас новый гость?

— Максим Данилович, старинный друг Михаила, — представила его Эмма Леонидовна.

Кречетов встал и поклонился:

— Приятно познакомиться.

— Странно, что мы с вами до сих пор не встречались, — сказала Юлия.

— Это неудивительно. В последние годы мы с вашим мужем лишь перезванивались.

— Ну что же, — улыбнулась она, — почувствуйте себя как дома. Мы с Мишей рады гостям. Кстати, насчет гостей... — Юлия обернулась к Эмме Леонидовне: — Через неделю из Новосибирска прилетает моя мать. Пожалуйста, приготовьте ей комнату.

— В отпуск? — сдержанно поинтересовалась домохозяйка.

— Она не сказала.

— Три года женаты, ни разу не объявилась. На свадьбу к единственной дочери не приехала...

— Эмма Леонидовна! — прикрикнула Юлия. — Как бы то ни было, она — моя мать. Если захочет, пусть хоть насовсем остается, Миша не против.

— Я-то замолчу, но только вот что: две старухи на одной кухне не уживутся.

— Не стоит драматизировать, все утрясется, — сказала Юлия, не собираясь заморачиваться подобными пустяками.

По ней было видно, что она жила приятной, необременительной жизнью, во всем полагаясь на Эмму Леонидовну и богатого мужа.

Юлия ушла так же, как появилась, ее словно унесло ветерком.

Кречетов вернулся за стол и отодвинул тарелку:

— Спасибо, я сыт.

— Компот будете? — спросила домоправительница.

— Лучше чай.

Василина принесла чашку и менажницу, наполненную печеньем, галетами и глазированными пряниками.

— Куда вы сейчас? — поинтересовалась Эмма Леонидовна.

— Хочу навестить сына. Он живет в Москве.

— Сами откуда будете?

— Из Вязьмы.

— Как же вы с Михаилом познакомились? — удивилась она.

— Это было давно, в конце девяностых, я тогда работал в Москве. — Кречетов усмехнулся. — В те времена мы с Михаилом были по разные стороны баррикад.

Эмма Леонидовна сдержанно кивнула и опустила глаза:

— Все ясно, вы — полицейский.

— Когда-то был оперативником. Теперь — следователь, вернее, начальник следственного отдела.

— Михаил поменял свою жизнь и стал уважаемым человеком.

— Я рад за него.

— Значит, вы в Москву по личным делам?

— Можно сказать и так.

— Женаты? — спросила Эмма Леонидовна.

Кречетов замялся, и она уточнила:

— Это я так, по-старушечьи. Простите, если вам неприятно.

— Нет, ничего. Моя жена умерла год назад.

— Значит, вдовец?

— Да.

— Хотите дам совет?

— Нет, не хочу, — твердо сказал Кречетов.

— А я все-таки дам. Жениться вам надо, дорогой. И как можно скорее. Тогда все встанет на свои места, и вы лицом посветлеете.

— Благодарю за обед, мне нужно идти. — Он поднялся и направился к двери.

— Подождите! — окликнула его Эмма Леонидовна, достала из фартука брелок и протянула: — Вот, возьмите, он от ворот. Ваша машина стоит во дворе у черного хода.

* * *

По дороге в Чертаново Кречетов думал о сыне — его тревожило молчание Сергея. В таком городе, как Москва, с ним могло случиться все, что угодно. Опыт следственной работы давал Кречетову пищу для беспокойства.

Машину он оставил в «кармане» у антивандального шлагбаума, который преграждал въезд во двор, где жил Сергей. Кречетов сделал вывод, что в последнее время шлагбаумов в Москве поприбавилось, в любом мало-мальски замкнутом дворе они были.

На двери подъезда многоэтажного дома стоял кодовый замок. Кречетов набрал номер квартиры и нажал кнопку вызова.

Спустя мгновение из динамика послышался женский голос:

— Да...

Замявшись, Кречетов сообразил, что сын живет не один.

— Сергей дома?

— Кто вы такой? — встревожилась женщина.

— Его отец. Позовите Сергея или откройте дверь. — Немного подождав, он дернул дверную ручку и повторил: — Откройте!

Ему не ответили, и он повторил вызов. Однако трубку домофона никто не снял.

Кречетов отступил в глубь двора, запрокинул голову и, примерившись, определил, что девяносто вторая квартира, которую арендовал его сын, располагалась на восьмом этаже. В ее окнах горел свет.

К входной двери подошел старик, и Кречетов успел заскочить в подъезд до того, как дверь успела захлопнуться.

В лифте старик спросил:

— Вам на какой?

— На восьмой, пожалуйста.

— Мне тоже туда, — старик надавил на кнопку и заинтересовался: — В гости?

— К сыну, — ответил Кречетов.

— Это ж в какую квартиру?

— В девяносто вторую.

Старик с подозрением прищурился.

— Там проживает одинокая женщина. Детей у нее нет.

— Мой сын арендует это жилье.

— Десять лет живу в девяносто первой и точно знаю, что в девяносто второй проживает ее хозяйка.

Они вышли из лифта и направились к девяносто второй квартире.

Кречетов нажал кнопку звонка, чуть подождал и нажал еще раз.

— Странно, — старик приложил ухо к двери, прислушался. — Обычно в такое время она уже дома... Соседка! Это Семен Семенович. К вам тут пришли.

Ничуть не смущаясь, Кречетов заколотил кулаком:

— Откройте! Нужно поговорить!

Из-за двери донесся шорох, но за ним ничего не последовало.

Кречетов отступился, достал телефон и набрал номер сына. Включился автоответчик, и он произнес:

— Сергей! Срочно перезвони!

— Ступай-ка ты, мил человек, отсюда, — сказал старик. — Никто тебе не откроет.

— В окнах горит свет. Там кто-то есть, — возразил ему Кречетов.

— Не открывает, значит, не хочет.

Кречетов занес кулак, чтобы забарабанить, но в этот момент соседняя дверь распахнулась, и на пороге появилась могучая пожилая женщина:

— Семен Семенович — домой! — Она разгневанно взглянула на Кречетова: — А вы немедленно уходите, иначе я позвоню в полицию!

ГЛАВА 3

ПОЗДНИЙ УЖИН

Ужин в доме Самаровых был по-европейски поздним и по-русски обильным. К семи часам вечера, когда все гости и члены семьи собрались под его крышей, Эмма Леонидовна и горничные накрыли большой овальный стол дамаской скатертью. В его центральной части расположились тарелки с салатами и паштетами, рыбными и мясными закусками. Свободным оставался лишь край стола по всему периметру. Однако и он пустовал недолго: вскоре там появились тарелки с изящной росписью, бокалы из цветного хрусталя и столовые приборы с перламутровыми ручками.

Повар Халид к тому времени ушел в свою комнату. Он рано ложился и рано вставал. Добротный завтрак для обитателей дома готовился к половине седьмого утра.

Когда все сели за стол, Эмма Леонидовна представила Кречетову двух молодых людей. Одна из них, миловидная двадцатилетняя Кира, была дочерью Михаила от первого брака. Вторым ему был представлен Глеб, самоуверенный молодой человек в модном пиджаке.

Как оказалось, он был внучатым племянником самой Эммы Леонидовны.

— А это, — домоправительница указала на прыщавого юношу, — Константин, сын приятеля Михаила из Тюмени. Он только что поступил в нефтяной институт...

— В университет нефти и газа имени Губкина, — уточнил Константин.

— Костик будет жить у нас, пока не получит место в общежитии, — дополнила Эмма Леонидовна и перевела взгляд на провинциального вида блондинку, сидевшую рядом с Кречетовым. — Это — Ольга, супруга нашего родственника, приехала в Москву в отпуск из Воркуты.

Таким образом, все сидевшие за столом были названы, и Кречетов представлял, кто есть кто.

Михаил запаздывал, Юлии тоже не было, но пустующие стулья указывали на то, что они все же придут.

Заметив, что Кречетов взглянул на часы, Эмма Леонидовна упредила его вопрос:

— Михаил выехал из Шереметьево, скоро будет. Начнемте ужинать, ростбиф будет попозже. — Она привстала со стула и взялась раскладывать закуски по тарелкам, справляясь, кто чего хочет.

— Красивый у вас дом, — сказал Кречетов, решив, что за столом не избежать светской беседы.

Эмма Леонидовна охотно поддержала его:

— Это не просто дом, а родовое гнездо, и у него есть своя, не побоюсь этого слова, непростая история.

— Вы никогда об этом не рассказывали, — удивилась Ольга.

— В начале прошлого столетия весь этот особняк принадлежал предку Михаила, знаменитому доктору Ивану Петровичу Самарову. Он был состоятельным человеком, имел в Москве несколько доходных домов и дачу в Крыму, — начала рассказывать Эмма Леонидовна.

— В те времена врачи так хорошо зарабатывали?

— Иван Петрович был не просто врачом, он был профессором и преподавал в университете. У него лечились царские особы и московские знаменитости.

— Как интересно!

— Михаил давно мечтал купить этот особняк, изучал фотографии интерьеров, отслеживал судьбы гарнитуров, фарфоровых сервизов и книг.

— Совсем как у Ильфа и Петрова в «Двенадцати стульях», — заметила Ольга.

— Представьте себе, ему удалось вернуть многое из того, что некогда составляло обстановку этого дома, — продолжила Эмма Леонидовна. — Значительная часть библиотеки состоит из книг с экслибрисом доктора Самарова. Многие картины, безделушки и статуэтки в гостиной тоже принадлежали ему.

— Но как удалось все это выкупить?

— Что-то Михаил находил у антикваров, что-то на аукционах, а кое-что выторговывал у музеев. Он рассказывал мне подробно, но память уже не та. Раньше любое слово, как гвоздь, в мозгу застревало, а теперь все забываю.

— А что с квартирой?

— Три года назад Михаил выкупил все без исключения квартиры в этом подъезде и сделал полную реставрацию. Недавно присоединил подвал и кое-какие помещения в соседнем подъезде. На днях там начнется ремонт. Проходы в новые помещения уже продолбили — не успеваем пыль собирать.

— Не понимаю, зачем, — вступил в разговор Глеб. — Квартира и так огромная.

— Тебя не спросили, — одернула его Эмма Леонидовна. — Поженитесь с Кирой, все вам достанется.

— Не забывайте, что у папы молодая жена, — заметила Кира и, словно в поддержку, взяла Глеба за руку.

— Всем хватит, еще и останется, — сказала Эмма Леонидовна и, взглянув на Кречетова, объяснила: — Глеб с Кирой скоро поженятся.

— Уже назначили свадьбу? — он посмотрел на пару.

— Следующим летом, в июле.

— Поздравляю.

— Не с чем, — заметил Глеб. — За десять месяцев многое может перемениться.

Кира одернула руку и, отвернувшись, пробормотала:

— Не можешь без гадостей. Обязательно нужно испортить настроение.

— Ну-ну... — Глеб усмехнулся и обнял ее: — Я просто пошутил.

— Милые бранятся, только тешатся, — сказала Эмма Леонидовна и с улыбкой всплеснула руками. — Да что же это я! Сыплю поговорками, словно Халид.

— Поговорки — кладезь народной мудрости, — вежливо заметил Константин и протянул ей свою тарелку: — Можно мне еще оливье?

В глубине коридора открылась и захлопнулась тяжелая дверь.

Послышались шаги, и в комнату впорхнула розовощекая Юлия.

— Успела? Михаил еще не вернулся?

— Минут через сорок будет, — ответила Эмма Леонидовна, накладывая Константину салат. — Снимай пальто, мой руки и быстро — за стол.

Когда Юлия вернулась со второго этажа в столовую, на ее тарелке уже лежала закуска из баклажанов.

— Боже мой! Как я люблю баклажаны! — Юлия плюхнулась на стул и обвела взглядом всех, кто сидел за столом. — А почему такие кислые?

— Мы не кислые, — ответил ей Глеб. — Мы едим.

Мало-помалу разговор за столом возобновился, но теперь он касался лишь общих тем: московских достопримечательностей, погоды, покупок и магазинов. Однако вскоре он снова был прерван. На этот раз — внезапным появлением старухи, похожей на убиенную графиню из «Пиковой дамы».

Она возникла в дверном проеме неожиданно. На ней был распахнутый халат, под которым виднелась ночная рубашка. Седые волосы были заплетены в две тощие косички и перетянуты узкими лентами.

— Михаил еще не вернулся? — спросила она, вцепившись в дверной косяк.

— Скоро будет, — ответила Эмма Леонидовна и, не вставая со стула, захлопотала: — Прошу, садитесь за стол, Полина Аркадьевна. Для вас есть прибор.

Но старуха словно не слышала. Едва держась на ногах, она хрипло повторила:

— Когда Миша вернется, скажите, чтобы срочно зашел ко мне.

— Скажу, непременно скажу. Леся принесет ужин вам в комнату, я распорядилась... — сказала домоправительница, но старуха, будто угрожая, затрясла сухим кулачком:

— Пусть сразу придет! Я все должна ему рассказать!

Эмма Леонидовна поднялась из-за стола и направилась к ней:

— Ступайте в комнату, Полина Аркадьевна. Напрасно вы встали с постели. Давайте, я вас провожу.

Уйдя со старухой, домоправительница вскоре вернулась раскрасневшаяся и, казалось, расстроенная. Сев за стол, наколола на вилку огурец и тут же отложила в сторону.

— Жалко старуху...

— Кажется, она чем-то напугана, — заметил Кречетов.

— Полина Аркадьевна больна, — сочувственно проговорила Эмма Леонидовна. — Она — подруга покойной матери Михаила. Две недели назад приехала к нам из Питера. Михаил оплатил лечение, на днях ее увезут в клинику.

Цокая каблуками, из кухни с подносом вышла горничная и направилась к лестнице. Минут через пять она возвратилась, приблизилась к Эмме Леонидовне и сообщила:

— Полина Аркадьевна просила напомнить, чтобы Михаил Иванович обязательно к ней зашел.

— Вот ведь неугомонная! — вскипела домохозяйка, однако ее оборвал звук дверного звонка. — Поди открой, наверное, Михаил Иванович.

Леся вышла, но вскоре вернулась доложить:

— Спрашивают Юлию Сергеевну.

— Кто? — уточнила Юлия, опередив Эмму Леонидовну.

— Какая-то женщина говорит, что она ваша мать, — ответила Леся.

— Моя мама приедет через неделю.

— Подожди, — Эмма Леонидовна решительно направилась к двери. — Я сама во всем разберусь.

Она вернулась в столовую в сопровождении молодой, изящной и очень красивой женщины. Увидев на пороге улучшенную копию Юлии, никто не усомнился, что пришедшая и есть ее мать. Молодость и красота этой женщины буквально ошеломляли.

— Мама? — Юлия встала из-за стола и подошла к матери: — Мы думали, что ты приедешь через неделю.

Чуть замешкавшись, женщина проронила:

— Хотела поехать поездом, но по случаю купила недорогие билеты на самолет. — По ее смущенному лицу было ясно, что она врет. — Прости, не предупредила. Все вышло слишком спонтанно.

— Ну да... — чуть слышно проронила Эмма Леонидовна. — А позвонить по телефону было нельзя.

Те, кто расслышал ее слова, из деликатности притворились, что последняя фраза не прозвучала.

К счастью, домоправительнице хватило выдержки не развивать эту тему.

— Где ваш чемодан? — спросила она у гостей.

— Остался в такси. Простите, я не представилась. Меня зовут Ирина Владимировна...

Не намереваясь любезничать, Эмма Леонидовна поискала глазами горничную:

— Леся! Выйди на улицу и забери чемодан!

— Автомобиль стоит у ворот, — с готовностью уточнила Ирина Владимировна и немного виновато добавила: — Я бы и сама его забрала, но не была уверена, что застану Юлечку дома.

— Конечно-конечно... — с непроницаемым лицом заметила Эмма Леонидовна. — Когда приезжаешь, не предупредив, такое случается.

На этот раз Юлия не сдержалась. Сверкнув глазами, она прикрикнула на домоправительницу:

— Ну, хватит! Немедленно приготовьте комнату!

Эмма Леонидовна кивнула Василине, и та удалилась. Из коридора послышался топот ног, бегущих вверх по лестнице.

— Прошу за стол, — Эмма Леонидовна указала на пустующий стул: — Вот ваше место.

— Чуть позже, — сказала Юлия и потянула мать за руку. — Идем наверх. Тебе нужно переодеться.

ГЛАВА 4

ГРЕХИ И ДОБРОДЕТЕЛИ

Ужин, начавшийся без хозяина, закончился тоже без него. Михаил позвонил жене и предупредил, что задержится.

Кречетов решил, что приятель мог бы позвонить и ему. Но как только он об этом подумал, тот позвонил:

— Прости, друг, что так получилось. Ты спать не ложись, дождись меня, к одиннадцати я буду дома.

Так и вышло. В половине одиннадцатого в дверь комнаты постучали.

— Заходи, — Кречетов поднялся с кровати, на которой лежал не раздеваясь.

Дверь открылась, и в комнату вошел Михаил. Кречетов шагнул навстречу, и они крепко, по-дружески, обнялись.

Не выпуская друга из рук, Михаил отстранился и оглядел его:

— Нисколько не изменился. Такой же перец. Сколько мы не виделись?

— Лет пять или шесть...

— Да нет, больше... Ну, да что про это говорить. Встретились, и то хорошо! — Он распахнул дверь. — Идем! Покажу тебе свои владения.

Они вышли из комнаты к лестнице и стали спускаться вниз.

— Да я вроде все уже видел, — заметил Кречетов.

— Все, да не все... — На первом этаже Михаил провел друга к лестнице, ведущей в подвал. — Иди-иди, сейчас все увидишь.

Лестница оказалась временной, сооруженной на скорую руку, а дверь в подвал была заперта на сейфовый ключ, который Михаил хранил у себя.

— С чего такие предосторожности? — спросил Кречетов, однако, войдя внутрь, сразу все понял.

Это был личный тир Михаила, по стенам которого стояли стеллажи с огнестрельным оружием, а в дальнем конце располагались мишени.

— Недавно выкупил у собственников дома, — проговорил Михаил. — Толком ничего не успел сделать. У предка моего, кому принадлежал особняк, здесь был винный погреб и кладовая для продуктов.

Кречетов шагнул к стеллажу, сдвинул стекло и взял в руки «сайгу».

— Как тебе карабин? — с гордостью спросил Михаил.

— Солидно.

— Долго не решался его купить.

— Почему? — Кречетов прижал приклад к плечу, направил дуло на мишень и прицелился.

— Есть одна проблемка, — сказал Михаил. — Даже при небольшом настроле у него срывает направляющую в ствольной коробке. Вроде и лицензия была на руках, да все не решался. Потом все же купил.

— Понимаю тебя. — Кречетов поставил «сайгу» на место и взял со стеллажа пистолет. — «Смит и vessон»? Есть лицензия?

Михаил ухмыльнулся:

— Да как тебе сказать...

— Ясно, — протянул Кречетов и двинулся вдоль стеллажа. — «Таурус»... «беретта»... «гранд пауэр»... «глок»... Солидная коллекция набралась.

— Люблю оружие, и ничего не могу с собой поделывать, — признался Михаил и предложил: — Может, постреляем?

— В другой раз.

— Какой-то ты смурной. Что-нибудь случилось?

— Случилось, — Кречетов опустил голову. — Год назад.

— Прости, что не приехал на похороны.

— Я не в обиде.

— Год прошел, неужели не отошел? — спросил Михаил.

— Я-то — в норме. С сыном плохо. Не может смириться со смертью матери, злится на весь мир и в основном на меня.

— Ты здесь при чем?

— Не уберег, недолечил...

— Глупо.

— Это мы с тобой понимаем, — сказал Кречетов и добавил: — Ему понять тяжело.

— Ничего. Он все-таки мужик. Отхлеяет¹. — Михаил задвинул стекло и спросил еще раз: — Может, все-таки постреляем?

¹ Оправится.

Кречетов помотал головой:

— Нет. Не хочу.

— Тогда идем, покажу тебе еще одно помещение. Недавно сломали стену и присоединили его к квартире. Скоро начнем ремонт.

Кречетов пошел за ним без особой охоты, но долг гостя обязывал потакать хозяйской гордости Михаила.

Они поднялись на второй этаж, пересекли гостиную с роялем и древнеримским триклинием, миновали библиотеку и вошли во временную дверь, отсекавшую квартиру от новостроя. Там спустились на несколько ступеней и оказались в большой полукруглой зале. Рассеянный свет уличных фонарей придавал помещению таинственность и некую ирреальность. По улице проехал автомобиль, осветил фарами стену, и та словно ожила. На мгновение почудилось, что на ней движутся люди.

— Играет кто-то... — чуть слышно сказал Кречетов.

— Что? — не понял Михаил.

— Музыка слышишь? Кто-то играет на рояле.

— Нет. Я не слышу.

— Вальс...

— Да нет.

— Неужели не слышишь? Ну, вот же...

— У предка здесь была музыкальная зала. Наверно, танцевали.

Спустя короткое время они вернулись в гостиную, где сидели Юлия и ее мать.

Михаил спросил у жены:

— Кто-нибудь играл сейчас на рояле?

— Мы — точно нет.

— Давно вы здесь? — уточнил Кречетов.

— Минут пять, наверное.

Похлопав друга по плечу, Михаил усмехнулся:

— Вот, видишь. Тебе просто почудилось.

Он подошел к Юлии, взял ее за руку и заставил подняться с дивана.

— Идем спать, уже поздно.

— Мы с мамой разговариваем, — запротестовала она.

— Утром договорите. — В словах Михаила сквозила явная неприязнь к теще. Прежде чем уйти, он бросил: — Завтра увидимся.

Кречетов подошел к дивану и сел рядом с матерью Юлии. Ему казалось, что уйти сейчас было бы нелюбезно. Неловкость ситуации накладывала на него определенные обязательства.

— Напрасно остались, — сказала Ирина Владимировна. — Лучше бы ушли.

— У меня нет дурных намерений, — заметил Кречетов.

— Глупая фраза...

— Если хотите, могу уйти.

— Я не держу вас.

— Спокойной ночи. — Он встал, но Ирина Владимировна вдруг уткнулась в ладони и задержалась в безмолвных рыданиях.

Тяжело вздохнув, Кречетов вернулся и сел к ней поближе.

— Ну-ну... Успокойтесь. — Ему хотелось пожалеть ее, погладить узкую спину, но он не решился. Ирина Владимировна могла неправильно истолковать этот жест. — Воды принести?

— Не надо... — Она подняла лицо, вытерла его рукой и посмотрела на Кречетова. — Простите меня за эту сцену. Перехлестнуло. Так бывает, когда копится, копится, и ты уже не в силах держать в себе.

— Мне это знакомо.

— А на первый взгляд и не скажешь.

— Первый взгляд бывает ошибочным.

— Ценное наблюдение, — не без иронии заметила Ирина Владимировна.

— Могу еще чем-то помочь?

— Вы так спросили, как будто уже чем-то помогли.

— Пришли в себя. Это хорошо. — Он снова встал. — Я ухожу.

— Пойдите!

— Что еще?

— Побудьте еще немного.

— Мне рано вставать.

— Поймите... Я здесь одна и никому не нужна.

— На меня вам вряд ли стоит надеяться.

— Вы не очень любезны. — Она смотрела на него снизу вверх, и этот беззащитный, почти детский взгляд заставил его вернуться и сесть на место.

— Мне нужно с кем-то поговорить, — поделилась Ирина Владимировна.

— Говорите.

— Только не подумайте, что я имею на вас виды.

— Я так не думаю.

— Вы немногословны. — Она улыбнулась сквозь слезы, и Кречетов усмехнулся:

— Есть такой грех.

— Это не грех, а благодать, — проговорила она. — Вполне мужская черта — говорить только тогда, когда есть что сказать.

— У вас плохие отношения с дочерью? — спросил Кречетов.

Она смиренно покачала головой:

— Представляю, что вам про меня наговорили...

— Не хотите, не отвечайте.

— У нас были трудности.

— Какого рода?

— Юлия и мой новый муж не поладили.

— Разумные женщины между ребенком и новым мужем выбирают ребенка.

Ирина Владимировна вздрогнула и закуталась в шаль:

— Это жестоко!

— Что именно?

— Жестоко бить по больному.

— Я понимаю. Но, судя по всему, дочери вы предпочли личное счастье.

— Идите к черту!

Кречетов поднялся, решив, что на этот раз с него хватит.

— А вы идите спать, Ирина Владимировна. Я тоже пойду. Спокойной ночи.

ГЛАВА 5

КРИК

Кречетов проснулся в семь утра. Окно его комнаты выходило во двор-колодец, и это давало свои преимущества: на улице было темно и тихо, как редко бывает в центре Москвы.

Он надел тренировочный костюм и спустился по лестнице. Заглянув на кухню, попросил горничную закрыть за ним дверь, и Василина проводила его до выхода.

На улице накрапывал дождь. Он был мелким, похожим на пыль или сырой прозрачный туман, который не мог ни намочить, ни ухудшить видимость.

Кречетов побежал сначала по улице, потом по дворам, решив, что по дороге определится с маршрутом. В голове, по обыкновению, наметился план грядущего дня: первым делом он поедет на работу к Сергею.

Ему нужно убедиться, что сын жив и здоров, даже если тот избегает встреч. Кречетов решил идти напрямик: явиться туда, где Сергей не сможет его игнорировать. В служебной обстановке не принято выяснять отношения и рассуждать о взаимных обидах.

Пятьдесят минут бега привели Кречетова в стабильно-бодрое состояние. Когда он вернулся в дом, дверь открыла все та же Василина. Из кухни пахло едой, и у него засосало под ложечкой.

Как будто уловив его мысли, из кухни выглянула Эмма Леонидовна:

— После душа спускайтесь завтракать, — проговорила она и, переключившись на Василину, приказала: — Нужно пропылесосить прихожую!

Кречетов сделал так, как велела домохозяйка: сначала залез в душ, потом оделся, чтобы, не возвращаясь в комнату, сразу отправиться к сыну. С плащом наперевес он явился на кухню, где его ждал завтрак из нескольких блюд: овсяная каша, яйца-пашот, оладьи со сметаной и салат из тертой моркови.

Он взял кашу и яйца.

Эмма Леонидовна села напротив и, подперев кулаком щеку, продолжила вчерашний разговор:

— И все-таки, расскажите, как вы познакомились с Михаилом?

— Длинная история.

— А я никуда не спешу.

— Ну, хорошо... — Кречетов отложил ложку.

— Да вы ешьте, ешьте! — спохватилась она.

Есть и говорить одновременно у Кречетова не получилось, и он решил «отстреляться» разом:

— Я ловил его. Ну, а когда поймал, сразу же посадил в СИЗО.

Обескураженно замолчав, Эмма Леонидовна выдавила из себя:

— Это все?

— Практически — да. Для него дело закончилось условным сроком.

— Это я помню. Значит, с тех самых пор у вас завязалась дружба?

— Ну, где-то так...

— Странно.

— Всего разом не объяснишь. Со временем Михаил стал уважаемым бизнесменом, да и человеком оказался хорошим.

— Этого у него не отнять, — согласилась домохозяйка, но в ее взгляде сквозило недоумение, она рассчитывала на подробный рассказ о крепкой мужской дружбе. Эмма Леонидовна покачала головой и безо всякой связи проронила: — Он так любит Юлию.

Однако, глядя на нее, невозможно было понять, хорошо это или плохо.

— Спасибо, я сыт, — сказал Кречетов и встал из-за стола, решив не углубляться в личную жизнь Михаила.

— Что-то вы быстро, — удивилась Эмма Леонидовна и вдруг замерла. Прислушавшись, она с тревогой посмотрела на Кречетова.

Теперь и он услышал, что на верхнем этаже кто-то кричит и по лестнице мелкой дробью звучат шаги.

Спустя мгновение в кухню влетела Леся:

— Божечки мои, божечки! Эмма Леонидовна!

— Что случилось?! Говори! — приказала домохозяйка.

— Я захожу, а она лежит!

— Кто?!

— Я сразу не поняла, думала, вдруг упала...

— Кто, я тебя спрашиваю?! — Эмма Леонидовна потеряла терпение, схватила горничную и с силой потрянула: — Кто?! Говори!

— Полина Аркадьевна... Старуха... Лежит у кровати... Мертвая... — теряя силы, Леся опустилась на стул.

— Идем! — Эмма Леонидовна бросилась к лестнице, за ней подались все, кто был в это время на кухне: Халид, Василина, Леся и, конечно же, Кречетов.

На лестнице им встретился Михаил.

— Что случилось? — спросил он.

— Кажется, умерла Полина Аркадьевна, — вполголоса проговорила Эмма Леонидовна.

Все вместе они поднялись на третий этаж. Михаил толкнул дверь и вошел в комнату. Остальные столпились у входа.

В комнате было темно и душно. Он резким движением раздернул шторы и обернулся. На полу возле кровати лежала неподвижная Полина Аркадьевна. Ее взгляд застыл, казалось, она смотрела на потолок.

Михаил приказал:

— Звоните в «Скорую помощь».

Кречетов достал телефон и набрал номер «Службы спасения».

Пока говорил с диспетчером, в комнату стремительно вошла Ирина Владимировна.

— Пустите! Я — врач! — Она присела на корточки, осмотрела Полину Аркадьевну и спустя минуту сказала: — Все кончено. Ей уже ничем не помочь.

Эмма Леонидовна схватила себя за щеки и затрясла головой:

— Господи... Да как же я могла позабыть...

— Что еще? — мрачно спросил Михаил.

— Она просила, чтобы ты к ней зашел, а я забыла передать. Прости меня, Мишенька!

Он обнял тетушку и, прижав к себе, поцеловал ее в голову:

— Не нужно себя корить. Значит, не судьба.

Врач «Скорой помощи» осмотрел тело умершей, изучил выписки из истории болезни и направление в клинику.

— Ну что же... — наконец, проронил он: — Смерть была ожидаемой. Странно, что она вообще так долго протянула с таким-то диагнозом.

Выносить тело из дома вызвались Халид и водитель Михаила. Полину Аркадьевну увезли, и все стали расходиться.

Михаил предупредил Кречетова:

— Вечером ничего не планируй. Вернусь пораньше, есть разговор. — Покидая комнату, он обернулся: — Идешь?

Но Кречетов ответил:

— Я задержусь.

— Как знаешь...

Когда Михаил ушел, в комнату Полины Аркадьевны заглянула Ирина Владимировна.

— Вы еще здесь...

— Оставайтесь! — скомандовал Кречетов.

— Зачем?

— Нужна ваша консультация по лекарствам. Можете посмотреть?

— Могу, — она подошла к прикроватному столику и поворошила упаковки с таблетками. — Ничего противозаконного или не соответствующего диагнозу. Хотя, постойте... — Ирина Владимировна вдруг замолчала и потянулась к флакону из темного стекла.

— Руками не трогайте! — воскликнул Кречетов и настороженно бросил: — Что там?

Ирина Владимировна указала на этикетку:

— Настойка джунгарского аконита.

— Название мне ни о чем не говорит. Поясните.

— Сильнейший растительный яд, действие которого направлено на уничтожение онкологических клеток и блокирование распространения метастазов.

— Этот препарат есть в назначениях?

Она взяла выписной эпикриз и, пробежав глазами список лекарств, отрицательно помотала головой.

— Его не выписывали, и я не удивлена. Джунгарский аконит скорее относится к средствам народной медицины и до конца не изучен.

— Чем он примечателен?

— Ежедневная доза лекарства — всего несколько капель, смертельная доза — три миллилитра. У препарата есть любопытная особенность: если человек отравлен аконитом, через сутки установить это уже невозможно.

— Ага... — Кречетов достал носовой платок, взял флакон и подошел к окну. Он изучил его на просвет, осмотрел поверхность. Потом исследовал еще два флакона с лекарствами и повторил: — Ага...

Неожиданно дверь распахнулась, и в комнату с ведром и тряпкой вошла Леся. Увидев их, она попятилась и хотела уйти. Однако, заметив флакон в руках Кречетова, проронила:

— Вот ведь как вышло. Значит, не пригодился...

— К чему это вы? — насторожился он.

— Вчера вечером я купила его в аптеке. Старуха попросила.

— Уверены?

Леся подошла поближе и, наклонившись, прищурилась:

— Джунгарский аконит, сто миллилитров, цена — пятьсот шестьдесят пять рублей. — Она кивнула на столик: — Чек из аптеки вон там лежит.

Кречетов взял чек и, заглянув в него, задумался.

Леся осведомилась:

— Ну, так что? Мне уйти или могу прибраться?

— Прибирайтесь, — ответил он. — Мы уходим.

В коридоре Кречетов задержал Ирину Владимировну:

— Прошу вас не распространяться об этом.

— Вы про аконит? — Она догадалась: — Подозреваете, что ее отравили?

— Не могу сказать.

— Не можете или не хотите?

— Не цепляйтесь к словам.

— Мне кажется, вы должны поговорить с Михаилом.

— Об этом не беспокойтесь. Поговорю.

Закончив разговор, они, как сообщники, разошлись и порознь спустились по лестнице. Ирина Владимировна ушла в свою комнату, а Кречетов отправился к сыну.

ГЛАВА 6

СТРАННЫЕ ВЕЩИ

Максим Кречетов был уверен, что быстро доберется до места, но эта уверенность была типичным заблуждением провинциала. Он давно отвык от Москвы и воспринимал ее расстояния не так, как это бывало раньше.

За двадцать лет в городе многое изменилось, некогда знакомые улицы он просто не узнавал. Москва сделалась красивой, но в чем-то чужой, и первое, по мнению Кречетова, не стоило и не искупало второго.

«Это — старость», — подумал он.

Автосалон, где работал Сергей, располагался за МКАД, на Новорижском шоссе. Дорога была скоростной, в три полосы, но автомобильный поток замедлялся из-за аварий. На пути Кречетова их оказалось две.

В салоне его встретил менеджер по продажам, шустрый молодой человек, про каких говорят: на ходу подметки срежет.

— Могу чем-то помочь? Что вас интересует?

— Я не клиент. Мне нужен Кречетов Сергей. Он здесь работает.

Парень пожал плечами:

— Я — новенький. О таком не слышал.

— У кого еще можно спросить?

— В конце зала — кабинет старшего менеджера.

Спросите у него.

Кречетов пересек торговый зал и подошел к двери с табличкой «Старший менеджер». Стукнул костяшками пальцев и взялся за ручку.

Дверь оказалась заперта.

Он огляделся и прочитал на соседней: «Бухгалтерия». Не раздумывая, Кречетов открыл дверь и вошел внутрь. В комнате стояло несколько столов, но занят был только один. За ним сидела блеклая женщина в очках и старомодном клетчатом платье.

Она подняла голову:

— У нас обед.

— Мне только спросить, — сказал Кречетов.

— Что вам нужно?

— Сына ищу.

— Работает у нас?

— Кречетов Сергей. Знаете такого?

— Знаю. — Женщина внимательно оглядела Кречетова, как будто сверяя его наружность со своим представлением о родителе Сергея.

— Где его найти? — нетерпеливо спросил Кречетов.

— Он уволился.

— Когда?

— Несколько дней назад.

— А если точнее? — У Кречетова вдруг появилось чувство, что под его ногами качнулся пол. Он сел на стул.

— Могу посмотреть в документах, — неохотно предложила бухгалтерша.

— Ну, так смотрите!

— Эй-эй, потише, — она возмущенно вскинула брови. — Я делаю одолжение, а вы грубите.

— Простите, — Кречетов ненадолго притих, наблюдая за тем, как бухгалтерша идет к соседнему столу и что-то ищет в компьютере.

— Это не входит в мои обязанности, — тихо проговорила она. — Но кадровичка только что ушла на обед.

— Нашли?

— Да. Вот, вижу. Ваш Сергей уволился неделю назад.

— Там не написано, куда он ушел? — По привычке Кречетов выжимал из ситуации все, что можно.

— Такой информации здесь нет.

— Как нехорошо... — Он помотал головой и горестно крикнул. — Третий день не могу дозвониться до сына. Как бы не случилось чего...

— Понимаю вас, но, к сожалению, ничем помочь не могу.

— В личном деле есть телефон Сергея?

Бухгалтерша продиктовала номер, и он совпал с тем, который знал Кречетов.

Она заметила:

— Здесь стоит отметка — «номер неактуальный».

— Что это значит? — спросил Кречетов.

— Скорее всего, ваш сын завел другой номер телефона и не потрудился вам сообщить.

— Этот другой номер есть в вашей базе?

— К сожалению, нет.

— И это чертовски плохо.

Женщина вернулась на свое место, достала из сумки контейнер с едой и опустилась на стул:

— Извините, я хочу пообедать. Всего вам хорошего. Но, вопреки ее пожеланиям, Кречетов не ушел.

— Меня зовут Максим Данилович, — представился он.

— Очень приятно,

— Вас как зовут?

— Не понимаю, зачем вам это.

— И все же?

— Татьяна Васильевна, если угодно.

— Уважаемая Татьяна Васильевна, — он говорил мягко и доверительно, зная, что такая интонация хорошо работает в критической ситуации. — Мне нужна информация о моем сыне. С кем он дружил? Возможно, у него были какие-то неприятности?

— Меня не занимает личная жизнь менеджеров, — отрезала Татьяна Васильевна. — И без того работой завалена.

— Ну хорошо... — Кречетов порылся в бумажнике, достал свою карточку и положил ее на стол, поверх документов. — Если что-нибудь вспомните, позвоните мне.

— Это вряд ли, — твердо пообещала она.

— Возможно, кто-то из работников салона знает номер Сергея.

— Возможно.

Кречетов направился к двери и, прежде чем покинуть кабинет, обернулся:

— Я буду ждать вашего звонка.

Кречетов уехал из автосалона, но не спешил возвращаться к Самаровым, оттягивал этот момент, насколько было возможно. Он знал: покойник в доме — тяжелое испытание, и сожалел, что остался, поддавшись уговорам тетушки Михаила. Одно дело — встретить старого друга, приятно посидеть и разъехаться. Другое — с головой окунуться в его проблемы. В этом была определенная зависимость, и она тяготила Кречетова. Ситуация сложилась безвыходная: забрать вещи и съехать было самым простым, но одновременно невозможным решением.

Около часа он колесил по окраинным улицам Москвы, в каждом одиноко бредущем мужчине ему чудился сын. Это было тяжело. Звонок Михаила положил конец его мукам.

— Ты где? — спросил он и сообщил: — Я уже дома.

— Скоро буду, — уверил его Кречетов.

И снова Москва заморочила, закружила его по объездным дорогам и хордам. Около двух часов Кречетов потерял в пробках. Вернувшись в дом Самаровых, он узнал от Эммы Леонидовны, что Михаил в тире, и спустился туда.

Заметив приятеля, Самаров осведомился:

— Из чего будешь стрелять?

Кречетов оглядел стеллажи:

— Из «зауэра».

— Патроны на нижней полке. — Михаил вытянул руку с пистолетом, прицелился в мишень и выстрелил.

— Разберусь. — Кречетов отыскал патроны и зарядил «зауэр».

Потом встал на огневой рубеж и сделал два неудачных выстрела. Михаил, в отличие от него, был превосходным стрелком. Стеляя, он отводил душу и получал удовольствие от каждой пули, которую вгонял в мишень.

— Есть разговор, — сказал Кречетов.

Михаил прервался и опустил пистолет.

— Говори. Здесь никто не услышит.

— Похоже, что старуху отравили.

— Полину Аркадьевну? — Михаил обескураженно замер. — С чего ты это взял?

— Осмотрел ее комнату и нашел флакон с джунгарским аконитом.

— Лекарство?

— Сильнейший растительный яд. Ежедневная дозировка — несколько капель. Флакон купили вчера вечером, как сказала горничная.

— И что?

— К утру флакон был наполовину пуст. Старуха не могла за один прием выпить так много.

— Серьезный аргумент, — Михаил оставил пистолет на барьере и развернулся к приятелю. — Может, она сама? У нее были сильные боли.

— На столе, кроме таблеток, стояли три флакона с разными препаратами. И только один из них, с джун-